

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Размышляя о российской цивилизации

Рецензия на книгу: Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. (ред.) (2015)

Россия как цивилизация: Материалы к размышлению.

М.: Редакция журнала «Мир России».

Н.Н. ЗАРУБИНА*

*Зарубина Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор, кафедра социологии МГИМО (У) МИД России. Адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.
E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Цитирование: Zarubina N. (2015) Reflecting on Russian Civilization. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 176–185 (in Russian)

Основная проблематика коллективной монографии «Россия как цивилизация: Материалы к размышлению», выпущенной под общей редакцией О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова Редакцией журнала «Мир России» в 2015 году, определяется императивом осмысления специфики институциональной, культурной, исторической и геополитической динамики России в контексте современной цивилизационистики. Важнейшим вкладом авторов монографии в развитие социальной теории является критика линейной теории догоняющей модернизации и утверждение мультилинейного цивилизационного подхода в качестве его методологической альтернативы. Исследователи подчеркивают, что особенности постсоциалистического транзита стран Центральной и Восточной Европы, России, Белоруссии, Казахстана и других стран СНГ при сходстве общего вектора и содержания реформ конкретизируются их цивилизационной спецификой. В центре внимания авторов находится вопрос о том, насколько цивилизационные особенности России определяют характер ее современного развития. Системная диагностика состояния современного российского общества показывает, что сформированные в ходе догоняющей модернизации институты вступают в противоречие с характером его человеческого капитала и препятствуют его развитию. В связи с этим важнейшей задачей становится выявление цивилизационных оснований России и определение соответствующих им направлений институциональных трансформаций. Для решения этой задачи авторы книги уделяют большое внимание методологии цивилизационных исследований и выявлению универсалий, на основе которых возможен анализ цивилизационного многообразия. К таким универсалиям относятся базовые ценности цивилизации, определяющие представления

о смысле жизни человека и его отношении к окружающему миру, характер социальных связей, место и роль государства и его отношения с обществом, а также менталитет, язык и т.д. Анализ российского общества с помощью цивилизационного подхода приводит исследователей к выводу о его специфических особенностях, не позволяющих отождествить Россию с западной цивилизацией. По мнению авторов монографии, Россия (наряду с Беларусью, Украиной, Казахстаном) относится к специфической евразийской цивилизации, и наибольших успехов в процессе постсоветского транзита добились те страны, которые не стремились к имитации западных институтов, а следовали логике собственных ценностей. Россия может создать современную информационную экономику, основанную на рынке и свободном предпринимательстве, не отказываясь от своих цивилизационных основ и существующих политических институтов и социальных структур. Для такого развития необходимо реальное обеспечение экономической свободы, социального равенства, политической прозрачности и защищенности личности.

Ключевые слова: цивилизация, догоняющая модернизация, цивилизационный подход, мультилинейное развитие, ценности-мотиваторы, институциональные трансформации, социокультурная специфика, самобытность

Дискуссия о выборе пути развития России, начавшаяся более двухсот лет назад, сохраняет актуальность и по сей день, обретая новые смыслы и логику. В этой дискуссии центральное место занимает анализ цивилизационной принадлежности нашей страны, определяющей возможные векторы трансформаций. Вклад в рассмотрение проблемы авторов монографии «Россия как цивилизация: Материалы к размышлению», выпущенной под общей редакцией О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова Редакцией журнала «Мир России» в 2015 г., трудно переоценить. Издание посвящено осмыслению специфики институциональной, культурной, исторической и геополитической динамики России в контексте современной цивилизационистики, сформировано единой парадигмой постижения цивилизаций и цивилизационной сущности России. При этом монография представляет собой, как зафиксировано в подзаголовке, материалы к размышлению, т.е. авторы глав, написанных на основе представленных в ходе семинара «Типы цивилизаций и характер социально-экономического развития» докладов и опубликованных статей, не претендуют на окончательный вердикт по рассматриваемым проблемам. Отдавая себе отчет в их чрезвычайной сложности и многогранности, авторы стремятся представить разные подходы к решению, и тем самым вызвать читателя на дальнейшее обсуждение темы.

Предметом рассмотрения авторов монографии являются важнейшие вызовы для современного обществознания и осмысление в их контексте развития России как цивилизации. В XX в. возобладала оптимистическая убежденность в «общечеловеческом» характере модернизации, основанной на постепенном переходе к индустриальной рыночной экономике, политической демократии, либеральным ценностям, сопровождающейся нивелированием социокультурных и цивилизационных различий. В контексте теорий модернизации понятие «цивилизации» стало утрачивать множественное число и обретать свой первоначальный смысл противопоставления развитых обществ варварским, т.е., в современной семантике, отсталых, еще не пришедших к «правильному» социально-историческому выбору. Парадигма линейного развития, в крайних вариантах доходящая до идеи

«конца истории» (Ф. Фукуяма), укладывает сложные нелинейные динамические процессы в рамки вестернизации, а социально-экономические преобразования в развивающихся и постсоциалистических странах рассматривает с точки зрения устранения помех для заимствования соответствующих «передовых» ценностей и институтов. Дискурс догоняющей модернизации стал на время доминирующим в общественной мысли, что отражало основные тенденции развития «третьего мира» и постсоциалистических обществ в XX в.

Конкурирующий дискурс множественности цивилизаций и несводимости возможных матриц культурного и институционального развития к вестернизации и догоняющей модернизации, восходящий к идеям Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, в XX в. оказался на периферии общественной теории. С середины века он воспроизводился немногочисленными сторонниками антимодернизации и самобытного пути развития, вроде, теорий буддийской или исламской экономики [*Schumacher* 1966; *Полонская, Ионова* 1981]. Лишь на рубеже XX–XXI вв. представления о множественности модерна и неевропейском модерне получили широкое распространение в научной мысли и составили реальную конкуренцию идее догоняющей модернизации. Этому немало способствовали экономические достижения стран незападного мира, прежде всего «японское экономическое чудо», а затем и прорывные успехи Сингапура, Китая, Южной Кореи и др., которые заставили исследователей перестать отождествлять современность с модерном западного образца и его атрибутами, прежде всего демократией и либерализмом.

В контексте конкуренции моно- и мультилинейного подходов вопрос о специфике институциональной и культурной системы российского общества и о пути его постсоциалистического развития может решаться как выбор в пользу догоняющей модернизации и соответствующих ценностных и институциональных трансформаций по западному образцу или ориентации на специфику России как особой цивилизации, которая, подобно Китаю, Индии, Японии, может найти собственный путь к современности. Авторы монографии неоднократно подчеркивают, что особенности постсоциалистического транзита стран Центральной и Восточной Европы, России, Беларуси, Казахстана и других стран СНГ при сходстве общего вектора и содержания реформ определяются их цивилизационной спецификой.

Вопрос о месте России среди культур и цивилизаций, в первую очередь об отношении России к Западу и западному пути развития, поставленный еще в дискуссиях славянофилов и западников в XIX в. в трудах Н.Я. Данилевского, получил в XX в. новое осмысление, в том числе в трудах евразийцев. Однако в период постсоветских преобразований 90-х гг. XX в. в российской общественной мысли возобладал дискурс догоняющей модернизации и вестернизации, и реформирование общества пошло по соответствующему пути. Однако если в начале постсоветского транзита представления о благодетельности заимствования западных институтов и ценностей пользовались сочувствием среди россиян, а самобытность России воспринималась как «историческое проклятие», то к началу 2000-х гг. ситуация изменилась. Социологические опросы свидетельствуют о том, что большинство россиян не ощущают себя европейцами и не считают западный путь развития подходящим для нашей страны. По данным Института социологии РАН, в 2011 г. 2/3 опрошенных считали, что «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни» [Двадцать лет реформ глазами россиян 2011, с. 155].

Положенная в основу постсоциалистического транзита России в 1990-х гг. линейная парадигма догоняющей модернизации привела к тому, что формирующиеся социально-экономические структуры оказались неадекватны той логике развития, которая детерминирована цивилизационной принадлежностью [Шкаратан 2010, с. 23–45]. Из материалов эмпирических исследований, представленных авторами монографии, можно сделать вывод, что причиной ухудшения условий развития личности в постсоветской России на фоне других постсоветских обществ и стран ЦВЕ стало противоречие между определяемым цивилизационной принадлежностью качеством человеческого капитала и характером институтов, призванных обеспечить его рост (институты здравоохранения, образования, безопасности и т.д.). Этим расхождением объясняется неэффективность социальной и культурной политики государства, которая не способствует повышению жизнеспособности российского общества. Таким образом, заимствование западных образцов развития не только не привело к формированию современных экономических и политических институтов, но и оказалось препятствием для повышения человеческого, творческого, инновационного потенциала России.

В общественной мысли 2000-х гг. стало постепенно утверждаться представление о необходимости новой методологии и категориального аппарата для осмысления специфики исторического развития и институционального порядка в России [Кастельс, Киселева 2000, с. 48–49]. Цивилизационный мультилинейный подход как научный дискурс, альтернативный линейной догоняющей модернизации, постепенно стал привлекать внимание исследователей. Цивилизационная парадигма стала рассматриваться как методология, позволяющая не просто выявить особенности институционального и социокультурного развития России в исторической ретроспективе, но и раскрыть причины проблем и противоречий постсоветских трансформаций, а также возможный вектор будущего.

Поставленные авторами книги вопросы о цивилизационной специфике развития России определили и ее центральную *методологическую* проблему – выявление аналитического смысла категории цивилизации в современных социальных исследованиях. Целая глава монографии посвящена многообразию позиций в исследованиях феномена цивилизации, являющегося объектом многих наук – истории, социологии, социальной философии и др. Каждая из них выделяет особый предмет, связанный с отдельными аспектами явления, но ни одна не способна «схватить» его целиком, поэтому множество подходов и даже альтернативность идей естественны для исследований цивилизаций. В то же время сравнительный анализ и систематизация различных концепций позволяют авторам выявить ряд универсалий, на основании которых несводимое многообразие мира цивилизаций можно исследовать с помощью единого категориального аппарата [Ерасов 2002]. К таким универсалиям относятся системы ценностей («духовное ядро», «культурная программа», «ценности-мотиваторы» и т.д.), особый психологический склад и менталитет, язык и языковая картина мира, религия, специфические институты, оформляющие и воспроизводящие политические, социальные, экономические отношения, и т.д. Список этих универсалий открыт и дополняется в зависимости от познавательных установок, целей и предмета исследований.

Исторический подход к анализу цивилизации, восходящий к творчеству Н.Я. Данилевского, Р. Шпенглера, А. Тойнби, Школы «Анналов» и др., предполагает выделение долгоживущих общностей людей, характеризующихся специфиче-

ческой культурой и организацией экономической, политической, повседневной жизни и проходящих через определенные жизненные циклы. Социологический подход, представленный в первую очередь работами Э. Дюркгейма и М. Мосса, П. Сорокина, Н. Элиаса, Ш. Айзенштадта и др., ориентирован на анализ социальной общности с присущими ей особыми формами регуляции и динамики, специфической институциональной системой и социальной структурой. Один из самых известных и авторитетных российских социологов В.А. Ядов определил цивилизации как целостные системы значительно различающихся между собой сообществ народов и этносов, локализованных во времени и пространстве, которые характеризуются особенностями культуры (системы ценностей, верований и представлений о смысле человеческой жизни), социальных институтов как нормативных регуляторов социальных взаимоотношений и менталитета [*Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015, с. 74*].

Хотелось бы особо отметить, что, обращаясь к социологической интерпретации понятия «цивилизация», авторы ссылаются и на теоретическое наследие М. Вебера. Этот признанный классик социологии не употреблял понятие «цивилизация» во множественном числе, однако его анализ специфических форм рационализации, характерной для мировых религий, позволяет выявлять цивилизационные общности, объединенные на основе общей картины мира, т.е. представлений о мире, их оценки и ориентации на особый образ действий в повседневной жизни [*Гайденко, Давыдов 1991, с. 236, 247; Зарубина 1998, с. 41–42, 63*]. Хотя для социологов является более привычной восходящая к Т. Парсонсу интерпретация идей М. Вебера в духе монолинейного развития, представляется, что его труды, посвященные незападным обществам [*Weber 1923*], дают основания и для другого, мультилинейного, подхода, основанного на специфике рационализации в различных обществах: «...во всех культурах существовали самые различные рационализации в самых различных жизненных сферах. Характерным для их культурно-исторического различия является то, какие культурные сферы рационализируются и в каком направлении» [*Вебер 1990, с. 55*]. Именно веберовский подход дает методологию различения цивилизаций как макромасштабных социальных общностей на основе способа их развития, обусловленного особенностями духовной жизни и этического отношения к реальности, претворяемого в специфические институты и способы действия, в том числе в областях хозяйственной, политической, социальной жизни.

В то же время нельзя не отметить, и авторы не оставляют без внимания тот факт, что в современной социологии эвристический потенциал цивилизационной теории пока не востребован в должной мере. И хотя монография «Россия как цивилизация: материалы к размышлению» является междисциплинарным исследованием, все же представляется, что разрабатываемые в ней подходы могут способствовать оживлению интереса именно социологов к познавательным возможностям концепта цивилизации. В частности, анализ связи цивилизационных оснований общества и его институциональной системы, социальной структуры, а также условий для человеческого развития представляется плодотворным направлением исследований специфики постсоциалистического транзита стран ЦВЕ и СНГ.

Цивилизационный анализ предполагает прежде всего выделение «ценностного ядра» цивилизации, ее духовных и символических оснований. Исследование «ценностного ядра» русской цивилизации осуществляется сразу по нескольким

направлениям, каждое из которых по-своему плодотворно. Вполне традиционным для цивилизационного подхода представляется обращение к специфике религии, в данном случае православной духовности, и ее влияния на социально-историческое развитие через специфическое понимание природы и сущности личности и смысла жизни. В контексте цивилизационного анализа российского общества ценности православия рассматриваются в качестве мотиваторов, легитимирующих определенный способ действий, обусловленный пониманием места и роли человека в мироздании.

Глубокий анализ православной антропологии приводит авторов к выводу о преобладании в ней установок на «бегство от мира», отказ от мирских повседневных забот и радостей во имя обретения потустороннего спасения, что «не способствует развитию земного активизма и чувства ответственности за происходящее» [Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015, с. 230]. Непризнание религиозной, сотериологической значимости повседневной жизни православной традицией порождает не только ее духовное и нравственное обесценивание, но и отсутствие специфической религиозной регламентации. Хозяйственная, политическая, социальная деятельность остается за рамками религиозно-этических смыслов, а потому и не регулируется едиными духовно-нравственными принципами.

В духе веберовского подхода к анализу роли религии в хозяйственной модернизации общества в монографии утверждается, что «русское православие не давало высших духовных санкций для активной работы в миру», что обусловило нерыночность русского национального характера [Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015, с. 132; Коваль 1994, с. 62–63]. Авторы монографии разделяют широко распространенное мнение о том, что ориентация на внутреннее духовное и нравственное совершенствование, составляющая ядро православной концепции спасения, привела к обесцениванию трудовой и предпринимательской деятельности, инновационной активности, к терпимому и сочувственному отношению к бедности. В целом же православная этика способствовала воспроизведению традиционной перераспределительной хозяйственной культуры.

Осуществленный авторами монографии анализ исторического материала свидетельствует о том, что специфика православного мировоззрения определяет такую характерную особенность русского общества, как приверженность симфонии церкви и государства. Влияние православия на воспроизводство идеологии государственного патернализма определялось также традицией подчинения церкви светской власти, которая была унаследована от Византии и существенно усилена на протяжении русского средневековья. И сегодня авторы отмечают возрождение церковно-государственной симфонии, в которой центральное место занимает ориентация на сотрудничество в воспитании граждан и защите прав человека, понимаемых прежде всего в смысле права на духовную самореализацию в лоне РПЦ, а не в духе либеральных ценностей.

Особое место государства и государственного патернализма в цивилизационном устройении России акцентируют практически все исследователи, в том числе и авторы монографии. Оно обусловлено спецификой исторического развития и географического положения России, предъявивших нашему обществу особые вызовы. Прежде всего, это постоянная внешняя агрессия как с Востока, так и с Запада, которая в период этногенеза и формирования русского государства вызвала необходимость монополизации функции обороны, а также сопряженной с ней мобилизации производственных ресурсов и централизации распределения.

Мобилизационно-оборонные функции государства породили необходимость в монополизации или государственном контроле ряда базовых отраслей экономики – металлургии, оружейного дела, – а также производства и оборота редких и дорогостоящих продуктов. Существенным фактором формирования мобилизационной системы с жестко централизованным государством во главе стали и неблагоприятные природно-климатические условия, увеличивающие хозяйственные риски в средневековой России по сравнению с Западной Европой.

Высокая роль государства в хозяйственной жизни средневековой России, по сути, его превращение в организатора и непосредственного участника производственного и распределительного процессов рассматривается как основание для отнесения нашего общества к так называемому азиатскому способу производства, важнейшим признаком которого выступает институт власти-собственности.

Превращение современной России в часть западной цивилизации не представляется авторам реальной не только вследствие зависимости от прошлого, но и в результате явного снижения привлекательности западноевропейской цивилизации на фоне интенсивного экономического и социокультурного роста обществ, принадлежащих к восточным цивилизациям, прежде всего конфуцианской, отчасти исламской. Поэтому делается интересный и перспективный вывод о том, что Россия не просто идентифицируется как самостоятельная цивилизация, но и может извлекать преимущества из ситуации институциональной конкуренции между Востоком и Западом [*Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015, с. 142*].

Авторы монографии, считающие Россию представительницей специфической евразийской цивилизации, утверждают, что за 20 лет прошедших постсоветских экономических реформ удалось добиться «относительно позитивных результатов» лишь тем странам СНГ, которые не стали имитировать «европейский путь», а пошли своим, евразийским, – это Беларусь и Казахстан [*Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015, с. 62*]. Их опыт, а также гораздо более впечатляющие достижения модернизации Китая, Сингапура, Малайзии и других стран приводит исследователей к выводу, что для России существует возможность создать современную информационную экономику, основанную на рынке и свободном предпринимательстве, не отказываясь от своих цивилизационных основ и существующих политических институтов и социальных структур, даже если с точки зрения вестернизированной модели они рассматриваются как авторитарные и архаичные. Для такого развития первостепенное значение имеет реальное обеспечение экономической свободы, социального равенства, политической прозрачности и защищенности личности, которое возможно без неременного предварительного создания демократических институтов и принятия либеральных ценностей.

На мой взгляд, следует поддержать позицию авторов монографии в том, что успех дальнейших социально-экономических преобразований в нашей стране будет зависеть от наличия социальных сил, способных переломить ситуацию в противостоянии компрадорского и национального капитала, обеспечить общественный консенсус вокруг идей повышения творческой самоотдачи, развития современной информационной экономики на базе ценностей и социально-политических структур евразийской цивилизации. Задачей исследователей остается системная диагностика состояния российской цивилизации и векторов ее трансформации в современном мире. Это тем более важно, что глобальный характер современного мирового развития предполагает выявление собственной цивилизационной идентичности России как одной из сторон глобальных коммуникаций,

«четкого и недвусмысленного выражения своего цивилизационного существования», которого пока нам не хватает [*Шкаратан, Лексин, Ястребов* 2015, с. 83]. Монография «Россия как цивилизация: материалы к размышлению» вносит весомый вклад в решение этих проблем.

Литература

- Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 44–271.
- Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. (1991) История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат.
- Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. (2011) М.: ИС РАН.
- Ерасов Б.С. (2002) Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука.
- Зарубина Н.Н. (1998) Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ.
- Кастельс М., Киселева Э. (2000) Россия и сетевое общество // Мир России. № 1. С. 23–51.
- Коваль Т.Б. (1994) Православная этика труда // Мир России. № 2. С. 54–96.
- Полонская Л., Ионова А. (1981) Концепции «исламской экономики»: социальная сущность и политическая направленность // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 113–119.
- Шкаратан О.И. (2010) Система цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. № 3. С. 23–45.
- Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. (ред.) (2015) Россия как цивилизация: Материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России».
- Eisenstadt S. (2003) Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden. Koninklijke: Brill.
- Schumacher E. (1966) Buddhist Economics // Wint G. (ed.) Asia: A Handbook. London: Anthony Blond Ltd., pp. 624–665.
- Weber M. (1923) Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B.I. Konfuzianismus und Taoismus. B. II. Hinduismus und Buddhismus. Tübingen.

Reflecting on Russian Civilization

Book Review: Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebov G.A. (eds.) (2015) *Rossiya kak tsivilizatsiya: Materialy k razmyshleniyu* [Russia as a Civilization: Readings for Reflections], Moscow: Mir Rossii

N. ZARUBINA*

*Natal'ya Zarubina – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations. Address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Citation: Zarubina N. (2015) Reflecting on Russian Civilization. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 176–185 (in Russian)

Abstract

The book under review brings together pieces written by different authors, who unravel the nexus of the historical, cultural and institutional dynamics of Russia using the civilization approach. It stands in clear opposition to those who view modernization as a linear process and completely disbands the idea of catch-up development. The authors generally agree that many specific features, and the divergence of post-socialist transformations in the countries of Central and Eastern Europe, Russia, Belarus, Kazakhstan and other CIS countries were in many ways pre-destined by civilizational differences. Particularly, in the case of Russia, they highlight the inconsistency of the current institutional setting, which emerged as a response to catch-up modernization, and the fact that the reformers largely neglected the nature and features of the human and cultural capital of the Russian population.

Keywords: civilization, catch-up modernization, civilizational approach, multi-lineage development, values-motivators, institutional transformations, socio-cultural specificity, identity

References

- Gaidenko P.P., Davydov Ju.N. (1991) *Istoriya i ratsional'nost': sotsiologiya M. Vebera i veberovskii renessans* [History and Rationality: the Sociology of Max Weber and Weber Renaissance], Moscow: Politizdat.
- Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov* (2011) [Twenty Years of Reform Through Eyes of Russians: Experience of Many Years of Sociological Measurements], Moscow: Ves' Mir.
- Erasov B.S. (2002) *Tsivilizatsii: universalii i samobytnost'* [Civilizations: Universals and Identity], Moscow: Nauka.
- Kastel's M., Kiseleva E. (2000) Rossiya i setevoe obshchestvo [Russia and the Network Society]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 23–51.
- Koval' T.B. (1994) Pravoslavnaya etika truda [The Orthodox Work Ethic]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 54–96.
- Polonskaya L., Ionova A. (1981) Kontseptsii "islamskoi ekonomiki": sotsial'naya sushchnost' i politicheskaya napravlennost' [The Concept of "Islamic Economics": the Social Nature and Political Orientation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 3. pp. 113–119.
- Schumacher E. (1966) Buddhist Economics. *Asia: A Handbook* (ed. Wint G.), London: Anthony Blond Ltd., pp. 624-665.
- Shkaratan O.I. (2010) Sistema tsivilizatsii i modeli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii i drugikh postkommunisticheskikh stran Evropy [System of Civilizations and Models of Socio-Economic Development of Russia and Other Post-Communist Countries of Europe]. *Mir Rossii*, no 3, pp. 23–45.
- Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebob G.A. (eds.) (2015) *Rossiya kak tsivilizatsiya: Materialy k razmyshleniyu* [Russia as a Civilization: Readings for Reflections], Moscow: Mir Rossii.
- Veber M. (1990) Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [The Selected Works], Moscow: Progress, pp. 44–271.

-
- Weber M. (1923) *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B. I. Konfuzianismus und Taoismus. B. II. Hinduismus und Buddhismus*. Tübingen.
- Zarubina N.N. (1998) *Sotsiokul'turnye faktory khozyaistvennogo razvitiya: M. Veber i sovremennye teorii modernizatsii* [The Social and Cultural Factors of Economic Development: Weber and Modern Theories of Modernization], SPb.: RHGI.